

А. Г. Столярова

УДК 81'366.582

<https://orcid.org/0000-0001-8620-5143>

Особенности восприятия времени через призму грамматических структур

Для цитирования: Столярова А. Г. Особенности восприятия времени через призму грамматических структур // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 134-142.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-134-142

Предметом рассмотрения настоящей статьи является семантика граммем прошедшего времени в русском и корейском языках. Автор ставит перед собой задачу описать и сопоставить наборы (диапазоны) грамматических значений, выражаемых русскими и корейскими формами прошедшего времени. Целью работы является выявление особенностей выражения темпоральных значений грамматическими структурами разных языков, которое могло бы лечь в основу концептуального исследования об особенностях восприятия времени носителями этих языков. Основные источники исследования – грамматические словари русского и корейского языков: «Русская грамматика» под ред. Н. Ю. Шведовой (том 1), «Корейский язык» Ли Иксопа, Ли Санок и Чхэ Вана, «Корейский язык как иностранный. Грамматический словарь» Пэк Пон Чжа и др. В ходе исследования, который представляет собой последовательное описание семантических возможностей граммем прошедшего времени в русском и корейском языках, выясняется, что корейская граммема прошедшего времени является гораздо более сложной в семантическом плане, чем соответствующая граммема в русском языке. В отличие от последней, образующейся в рамках индикатива, тесно связанной со значениями видов глагола и в своей основе реализующей принцип связанности/несвязанности с моментом речи, корейская граммема совмещает в себе как реальные, так и ирреальные (эпистемическая модальность, эвиденциальность) смыслы, разграничивает формы и их значения по принципу наличия/отсутствия длежащего до момента речи результативного состояния, а также ранжирует прошлые события по степени определенности.

Ключевые слова: время, граммема прошедшего времени, грамматическое значение, русский язык, корейский язык, вид глагола, эпистемическая модальность, эвиденциальность, индикатив.

A. G. Stolyarova

Peculiarities of time perception from the perspective of grammar structures

The subject of the article is the semantics of the past tense grammemes in Russian and Korean languages. The author aims to describe and compare sets (ranges) of grammatical meanings expressed by Russian and Korean forms of the past tense. The objective of the research is to identify the features of how grammatical structures of different languages express temporal meanings. In the author's opinion, such work could form the basis for a conceptual study on the features of time perception. The study is based on the material of Russian and Korean explanatory and grammar dictionaries: «Russian Grammar» edited by N. Y. Shvedova (Vol. 1), «Korean Language» by Lee Ikseop, Lee Sanok and Choi Wan, «Korean as a Foreign Language. Grammar dictionary» by Paek Pong Cha et al. The study which is a consistent description of semantic possibilities of the past tense grammemes in Russian and Korean allows for concluding that the Korean past tense grammeme is semantically much more complex than the corresponding grammeme in Russian. Unlike the Russian grammeme which is formed within the framework of the indicative mood closely related to the verb aspect meanings and implements the principle of connectedness/disconnectedness to the moment of speech, Korean grammeme combines both real and unreal (epistemic modality, evidentiality) meanings, distinguishes forms and their meanings by the principle of presence/lack of a resultant state lasting up to the moment of speech, and ranks past events by the degree of certainty.

Keywords: time, grammeme of the past tense, grammatical meaning, Russian language, Korean language, verb aspect, epistemic modality, evidentiality, indicative mood.

Введение

Что представляют собой топологические свойства времени, находящие выражение языке? Согласно исследованиям, единое целое – время – следует рассматривать как взаимодействие онтологи-

ческих антиномий, дихотомий времени: одномерности (линейности) и многомерности; однонаправленности (от прошлого к будущему) и разнонаправленности; необратимости и обратимости; непрерывности, континуальности (течение) и пре-

рывности, дискретности (отрезки времени), продолжительности, длительности и чередования, последовательности явлений и т. д. [Михеева, 2003]. Эти универсальные черты проявляются в языке в виде «однонаправленности от прошлого к будущему (прошедшее, настоящее и будущее время), временного порядка и причинно-следственной связи (*вчера, сегодня, завтра; молодой, зрелый, старый*), причем временной порядок находит отражение как в лексике, так и в грамматическом времени (вид, время), асимметричности (*до* и *после*), одновременности [...], течении времени (*раньше / позже*) с точкой отсчета (*тогда, сейчас, потом*), ритме (*быстро / медленно*), скорости (*долго, скоро* и другие наречия протекания действия), последовательности и т. д.» [Михеева, 2003, с. 70-71].

Познание временных свойств мира человеком происходит параллельно с развитием мышления, закрепляясь в системе языка. Вместе с тем время, как любая универсальная категория, «не гарантирует единообразия, как вариативность не предполагает отсутствия универсалий» [Михеева, 2003, с. 54]. Общая модель временных отношений отражается в сложной сети временных значений, которые, даже выступая как инварианты категории времени, тем не менее, распределяются по средствам выражения различным образом, что проявляется, в том числе, в виде ориентации глагольной системы языка на выражение аспектуальных, темпоральных или модальных значений [Bhat, 1999], [Урманчиева, 2006].

Большинство лингвистов рассматривает время как глагольную категорию. Это справедливо, так как именно действие, а не предмет, обладает свойством протекания во времени, совершения. Время – это процесс, а «понятие процесса – семантическая основа глагола как части речи» [Михеева, 2003, с. 73]. Между глаголом и действием устанавливается когнитивная связь двух типов. В дейктической плоскости это отнесенность события на временной оси, его принадлежность плану прошлого, настоящего или будущего. С точки зрения грамматики эта плоскость находит выражение в системе глагольных времен. В другой плоскости действие воспринимается как продолжительный (дуративный) либо непродолжительный (пунктирный) процесс, что в языке закрепляется в виде способов глагольного действия [Менгель, 2007].

Несмотря на универсальность восприятия событий как предшествующих настоящему моменту, соответствующих ему или следующих за ним, грамматическое время в языках не всегда соответствует схеме «прошлое-настоящее-будущее», что вынуждает исследователей прибегать к созданию особой системы лингвистического времени, от-

личного от реального. Так, в лингвистическое время включаются подсистемы вида, последовательности (привязка событий во времени относительно друг друга), отмечается необходимость учета соотношенности глагольного действия с точкой отсчета [Золотова, 1975]. Применительно к русскому языку (и шире – к славянским языкам) утверждение о включенности в лингвистическое время категории аспектуальности имеет принципиальное значение, поскольку, по мнению исследователей, оппозиция «совершенный вид – несовершенный вид», охватившая практически всю глагольную лексику, превратила вид в «новую форму времени в языке, значение которой заключается в отражении качественного воздействия на процесс» [Михеева, 2003, с. 76]. С. Менгель путем диахронического анализа форм прошедшего времени в восточнославянских языках приходит к выводу, что в русском, украинском и белорусском языках не существовало разветвленной сети прошедших времен, а процесс протекания действия во времени отражался и отражается с помощью описания способа действия, аспектуальности. Исследователь объясняет данный феномен тем, что сознание восточных славян воспринимает действие в первую очередь как продолжительный или непродолжительный процесс и лишь затем – как процесс, происходящий в прошлом, настоящем или будущем [Менгель, 2007].

Обязательность категории вида в славянских языках обуславливает высокую степень абстрактности, грамматической формальности категориальных видовых значений, формирующих ФСП лимитативности, длительности, кратности, фазовости, перфектности, а также поля действия (акциональность), состояния (статальность) и отношения (реляционность). Данные значения конкретизируются и обогащаются через воздействие лексики и контекста, но «сами по себе [...] не включают [...] такого смыслового содержания, которое постоянно и регулярно осознавалось бы говорящими как мотивированный элемент речевого смысла» [Бондарко, 1990, с. 22].

Лингвистическое время (а также его отдельные части – прошедшее, настоящее, будущее) в языках может иметь совершенно разную природу, отражающую особенности познания мира и времени тем или иным народом. Для описания концептуального содержания грамматической формы Д. А. Разоренов вводит термин «грамматический концепт» и утверждает, что грамматические концепты «не только фиксируют уникальный общественно-исторический опыт [...] национальной общности, но и придают специфический колорит той модели мира, которая порождается опреде-

ленным образом жизни и уникальной национальной культурой этого народа» [Разоренов, 2010, с. 73]. Тот факт, что даже генетически близкие языки проявляют значительные различия в области отражения процесса протекания действия во времени, свидетельствует о когнитивных различиях в восприятии сути данного феномена. «При несомненно важной роли характеристик физических, психических, общечеловеческих лингвист должен прежде всего рассматривать время как грамматическую категорию в данном языке, имеющем свои особенности» [Скубрияева, 2013].

Морфологическая закрепленность означает не только обязательность выражения тех или иных аспектов действительности (например, отнесенности события во времени), но и определенную степень ограниченности видения мира рамками представленных в языке категорий: «язык как бы накладывает некоторые объективные ограничения на возможности выбора» [Кубрякова, 2004, с. 313], вынуждая говорящего выражать те характеристики, «которые, может быть, и не входили в его первоначальный коммуникативный замысел» [Плунгян, 2011].

«Задаёт ли язык структуру и специфику временных диспозиций, или же он её лишь фиксирует? [...] Нет сомнения, что все люди одинаково переживают время на психологическом уровне, но мировоззренческий и онтологический уровень его понимания по каким-то причинам различается. [...] Мы можем лишь констатировать, что время и язык – модусы друг друга, это подтверждается тем фактом, что сквозь грамматические структуры разных языков время просматривается по-разному» [Медова, 2014, с. 143].

Чтобы продемонстрировать ограничения, налагаемые грамматикой на процесс восприятия и осмысления времени, обратимся к анализу и сопоставлению диапазонов грамматических значений прошедшего времени в русском и корейском языках.

Значения граммем прошедшего времени в русском и корейском языках

Категориальным значением форм прош. вр. является значение предшествования по отношению к грамматической точке отсчета. В русском языке в качестве грамматических средств выражения семантики прошлого используются суффикс прош. вр. *-л-*, присоединяющийся к основе инфинитива/прош. вр., а также показатели рода и числа. Наряду с показателями наст. и буд. вр., показатели прош. вр. выступают также маркерами изъяснительного наклонения.

Глаголы СВ и НСВ для образования прош. вр. используют одну и ту же морфологическую форму. Различия в типах употребления видов обусловлены категориальными видовыми значениями: глаголы СВ выступают в перфектном типе употребления, что подразумевает тесную связь между временными планами – прошлым и настоящим; глаголы НСВ, наоборот, маркируют действие в прошлом, как правило, не связанное с настоящим [Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 627]. (Пр.: *Попробуй только послушаться, немедленно Клавдию Петровичу расскажу, кто портрет спрятал... Я видел вчера, как ты его прятал.* (А. Н. Толст.))

Для форм любого из времен – прошедшего, настоящего, будущего простого и будущего сложного – существует прямое и переносное употребление. При прямом употреблении категориальное значение грамматической формы времени не противоречит контексту (*Я иду в парк.*), при переносном – категориальное значение глагольной формы не соответствует значению контекста (*Еду я вчера в автобусе...*). В формах прош. вр. прямое употребление характерно для глаголов обоих видов, а переносное – только для глаголов СВ.

Типами прямого употребления глаголов СВ являются:

1. перфектное (действие относится к плану прошлого, а его результат – к плану настоящего; особой разновидностью перфектного употребления считаются случаи, когда результат действия относится не к настоящему, а к более позднему временному плану прошлого) (Пр.: *Я один, я спать уснул ученика.* (Б. Паст.) *Я спал. В ту ночь мой дух дежурил. / Раздался стук. Зажегся свет. / В окно врывалась повесть бури. / Раскрыл, как был, – полуодет.* (Б. Паст.))

2. аористическое (обозначения действия в прошлом без указания на его наличный результат; часто встречается при повествовании о сменяющихся друг друга фактах) (Пр.: *Как воды набрала в рот, / Взор уперла в потолок.* (Б. Паст.) *Мы время по часам заметили / И кверху поползли по склону.* (Б. Паст.))

Типами переносного употребления глаголов СВ являются:

– форма прош. вр. в контексте будущего (действие предстает уже осуществившимся, что может указывать на уверенность говорящего в его осуществлении или на его отрицание) (Пр.: *Дорогой самодержец, мы пропали.* (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию») *Ну, все, я пошел! Так я тебе и поверил!*)

– форма прош. вр. в контексте настоящего абстрактного (наглядная конкретизация обычного

действия) (Пр.: *Бывает так: проснулся ночью / Без всяких видимых причин / И понял совершенно точно, / Что ты один, один, один.* (С. Строганов))

Глаголы НСВ прош. вр. в прямом употреблении, как правило, имеют значения, соотносимые с категориальными значениями вида:

– действие в процессе протекания (Пр.: *Два часа объяснял правило.*)

– действие в его неограниченной повторяемости (Пр.: *А там и рассвет занимался. До двух / Несметного неба мигали богатства, / Но вот петухи начинали пугаться / Потемок и сиились скрыть перепуг...* (Б. Паст.))

– действие в его постоянном существовании (Пр.: *Лес тянулся на север, и не было ему ни края, ни исхода.*)

– действие как обобщенный факт (Пр.: *Ты смотрел последний фильм Тарантино?)*

В переносном употреблении глаголы НСВ прош. вр. встречаются лишь в чрезвычайно редких случаях.

Таким образом, в русском языке время вообще и прош. вр., в частности, семантически и формально тесно связано с категорией вида. «Парадигма времени зависит от вида. Закономерности употребления видов в изъявительном наклонении во многом зависят от выражения в разных временах единичных (неповторяющихся) действий или действий повторяющихся, обычных, типичных» [Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 640]. С. Менгель, анализируя способы отражения протекания действия во времени в славянских языках, также приходит к выводу, что в русском языке характеристика действия с точки зрения вида оказывается более значимой, чем характеристика с точки зрения времени. «Отнесение действия в прошлое маркируется единственно формой на -л-. Напротив, описание способов протекания действия во времени как отражение дуративных или пунктирных процессов широко представлено помимо компонентов лексической семантики соответствующих глаголов использованием дополнительных лексических языковых средств и транспозиционным употреблением всевозможных форм глагола с учетом их грамматического и лексического значения» [Менгель, 2007, с. 29]. По мнению исследователя, выбор именно таких языковых средств соответствует потребностям носителей русского языка при выражении «специфических нюансов и модификаций языковой картины мира» [Менгель, 2007, с. 29].

В корейском языке в качестве маркеров прош. вр. используются глагольные суффиксы –

았/었/였-, –았/었/였었- и –더-, обозначающие три разных типа восприятия прошлого. Следует также отметить, что глагольная система корейского языка существенным образом отличается от глагольной системы русского. Корейский глагол как часть речи состоит из 2 разрядов – глаголов действия (동작동사) и глаголов состояния (상태동사). Первые представляют собой глаголы, типичные для русского языка (читать 읽다, жить 살다, идти 가다, быть 있다 и т. д.), а вторые – то, что в русском языке является прилагательным и категорией состояния (большой 크다, красный 빨강다, интересный 재미있다, мрачный 캄캄하다, облачно 흐리다, холодно 춥다 и т. д.). Не развив самостоятельной части речи, категориальным значением которой можно было бы назвать обозначение признака, корейский язык осмыслил признаки как внутренние действия, поэтому точным переводом приведенных выше примеров было бы «быть большим», «быть красным», «интерес есть», «делать (себя) темным», «быть облачным», «быть холодным».

Суффикс прошедшего времени –았/었/였– реализует, по мнению корейского исследователя Пэк Пон Чжа [백봉자, 2015, с. 7-9], 4 значения:

1. завершённое действие в настоящем или прошлом (Пр.: 기차가 서울역에 지금 막 도착했습니다. *Поезд только что прибыл на Сеульский вокзал.*)

2. состояние завершённого действия (Пр.: 할머니는 이모 집에 가셨습니다. *Бабушка пошла в дом тети.* В настоящий момент осуществляется состояние пребывания в доме тети.)

3. состояние в прошлом (Пр.: 시험이 끝나서 우리는 한가했다. *Мы были свободны, потому что закончились экзамены.*)

4. предположение о том, что действие в будущем будет обязательно совершено (переносное значение формы прош. вр.; модальное значение уверенности в осуществлении действия через представление его уже осуществившимся) (Пр.: 공부를 안 했으니 시험 잘 보기는 틀렸지요? *Ты не учился, поэтому [можно заранее считать, что] провалил экзамен.*)

По мнению Ли Чунмина [Lee Chungmin, 1987], простая форма прош. вр. (simple past form) – 았/었/였 – обозначает событие в прошлом, эффект которого постоянно ощущается вплоть до настоящего момента. Такое сохранение эффекта действия или события особенно очевидно в тех случаях, когда его результативное состояние

(result state) заметно в силу семантических особенностей глагола. (Пр.: 나는) 감기에 걸렸다. (Я) простудился.)

Глаголы с заметным результативным значением (늙었다 состарился, 밝았다 осветился и т. д.) практически во всех случаях даже в форме прош. вр. обозначают длящееся результативное состояние, поэтому такие глаголы, как 사귀다 («общаться, состоять в отношениях с кем-л.»), присоединяя суффикс -았/었/였- со значением завершенности, способны сочетаться в одном предложении с показателями длительности. (Пр.: 나는 그 여자와 2년전부터 사귀었다. Я встречался (начал встречаться) с этой женщиной в течение последних 2 лет. Дословный перевод данного примера на русский невозможен из-за видо-временной системы, которая не позволяет объединить в одном предложении значения продолжительности и результативности.) Особый статус таких глаголов подчеркивают и корейские исследователи Ли Иксоп, Ли Санок и Чхэ Ван [Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван, 2005]. Также приводя в пример глагол 늙다 «старый, быть старым», они замечают, что он «не может конкретно назвать какое-либо событие или действие, поэтому форма 늙었다 не может обозначать действия или состояния, относящегося к прошлому, а обозначает нынешнее, „настоящее“ состояние» [Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван, 2005, с. 245].

Не столь очевиден эффект продолженного результативного состояния, когда суффикс -았/었/였- присоединяют обычные глаголы действия. В этом случае можно говорить не о состоянии, а о длящемся (продолженном) восприятии действия или события. (Пр.: 내가 그렇게 말했니? Я так сказал? Я не думаю, что я так сказал, но если это правда, я должен быть ответственным за свои слова в настоящий момент.)

Таким образом, можно заключить, что значением суффикса прош. вр. -았/었/였- в широком смысле является «завершенность», которая в случае с глаголами действия подразумевает не абсолютное прекращение действия или события, а их переход в стадию результативного длящегося состояния, что обуславливает обязательную связь плана прошлого, выражаемого глаголом, с настоящим. Иными словами, любое действие и состояние в корейском языке, привязанное ко времени с помощью суффикса -았/었/였-, понимается как продолженное. Это возможно благодаря тому, что корейский язык осмыслил состояние как осуществление внутреннего действия и сделал этот

смысл одним из принципов своей глагольной системы.

Единство действия и состояния прослеживается также и в том, что в атрибутивной позиции глаголы действия в прош. вр. присоединяют то же окончание, что и глаголы состояния в настоящем. (Пр.: 숨는 아이 прячущийся ребенок; форма 숨는 образована от глагола действия 숨다 «прятаться» с помощью окончания причастия наст. вр. -는; 작은 집 маленький дом; форма 작은 образована от глагола состояния 작다 «маленький» с помощью окончания причастия наст. вр. -은; 숨은 아이 спрятавшийся ребенок; форма 숨은 образована от глагола действия 숨다 «прятаться» с помощью окончания причастия прош. вр. -은; 작던 집 дом, который был маленьким; форма 작던 образована от глагола состояния 작다 «маленький» с помощью окончания причастия прош. вр. -던).

Понимание продолженности как состояния, а не как действия, важно учитывать еще и потому, что при беглом знакомстве с корейским языком может показаться, будто его временные формы обязательно характеризуют действие с точки зрения аспекта. Время и аспектуальность действительно связаны и часто их значения «сосуществуют» в одном предложении, однако в корейском языке, в отличие от русского, нет видо-временной системы, лишь временная, значение времени является обязательным, а значение аспекта – опциональным, факультативным. Например, длительное действие в прошлом можно обозначить как глаголом с суффиксом -았/었/였- (어제 책을 읽었다. Вчера читал книгу.), так и с помощью конструкции -고 있었다 (어제 하루 종일 책을 읽고 있었다. Вчера весь день читал книгу.). Последняя используется в том случае, если длительность действия необходимо подчеркнуть. Иными словами, говорящий сознательно выбирает эту форму для обозначения длительности, поэтому выражаемое ею значение нельзя признать регулярным. С другой стороны, оформление причастия от глагола действия в прош. вр. и причастия от глагола состояния в наст. вр. одним окончанием -(으)ㄴ носит регулярный характер, то есть является обязательным. Это свидетельствует о том, что первичным, основным значением продолженности в прош. вр. является именно продолженность в качестве состояния, а не продолженность как длительность процесса осуществления действия.

Второй суффикс прош. вр. –왔/였/였었– образуется путем удвоения простой формы и выражает, в разной терминологии, преждепрошедшее, давнопрошедшее, прошлое завершённое время. Пэк Пон Чжа считает, что эта форма обозначает событие, содержание которого отличается от ситуации в настоящем или мыслится как оторванное от него [백봉자, 2015, с. 10]. (Пр.: 누가 왔었어요? Кто приходил? К настоящему моменту приходивший уже ушел.) Нетрудно заметить, что значение данного суффикса соответствует значению аннулированного результата – одному из значений формы НСВ прош. вр. в русском языке. (Пр.: 그는 지난 달에 제주도에서 왔습니다. В прошлом месяце он поехал на остров Чэджу. Он все еще на острове Чэджу или в другом месте (но не дома), либо нам неизвестно, что происходило после его отъезда. 그는 지난 달에 제주도에서 왔었습니다. В прошлом месяце он ездил на остров Чэджу. Он уже вернулся с острова Чэджу.)

Нельзя утверждать, что удвоенная форма прош. вр. обозначает событие или действие, не связанное с планом настоящего или моментом речи. Даже в том случае, если действие и результирующее состояние не продолжались, результат прошлого события может относиться к событиям, происходящим в момент речи. (Пр.: 사장님, 아까 거래처에서 전화가 왔었습니다. Директор, недавно [вам] звонил клиент. Результат действия аннулирован: в данный момент клиент не звонит, однако сам факт этого сообщения говорит о том, что от директора ожидается реакция, например, в виде требования перезвонить клиенту, поэтому ситуация в прошлом связана с ситуацией в настоящем самым непосредственным образом.)

Исходя из этих соображений, мы считаем, что значением данной формы является не «несвязанность» события или действия в прошлом с моментом речи, а именно их «непродолженность», смена ситуации на противоположную, а также утверждение, что с момента события до момента речи прошло определенное количество времени.

Особой формой прош. вр. является также сочетание суффикса –왔/였/였– с суффиксом прогностического наклонения –겠-. Последний добавляет к значению прош. вр. значение предположительности, поэтому форма –였(왔/였)겠– представляет собой модальную форму прош. вр. (Пр.: 그 청년은 이제 의사가 되겠습니다. Тот молодой человек теперь, наверное, стал врачом.)

Отличительной особенностью корейского языка, по сравнению с русским, является включение в

ряды показателей прош. вр. эвиденциального суффикса –더-. По словам Пэк Пон Чжа, этот суффикс используется в тех случаях, когда говорящему необходимо описать свои воспоминания о личном опыте прошлого [백봉자, 2015, с. 11]. В предложении данный суффикс реализует себя в виде финитных конструкций –더군(요), –였(왔/였)더군(요), –더라, –더라고요, –던가요?, соединительных конструкций –더니, –였(왔/였)더니, –던데, –더라도, –더라면 и причастных окончаний –던, –였(왔/였)던. Его основным значением является прямая личная засвидетельствованность (обычно визуальная) события, действия или признака, имевшего место в прошлом. (Пр.: 비가 오더라. [Я видел, что] шел дождь. 아버지는 화가 많이 나셨더군요. [Я видел, что] отец сильно рассердился.)

Из самого феномена наблюдения явствует, что выступать свидетелем говорящий может лишь в том случае, если он наблюдает событие или действие со стороны, поэтому для конструкций с эвиденциальными маркерами типично субъектное ограничение на использование в предложении 1 лица. Это ограничение нарушается только тогда, когда говорящий сообщает о своих эмоциях, чувствах и ощущениях. С другой стороны, невозможно лично наблюдать за эмоциями, чувствами и ощущениями других людей «изнутри», поэтому на суффикс –더– накладывается также ограничение на использование с глаголами внутреннего состояния в предложении с субъектом в 3 лице. Если последнее необходимо, используется конструкция –졌더– со значением догадки, основанной на личных наблюдениях (см. ниже). (Пр.: 내가 어지럽더라. У меня кружилась голова. 미아가 어지럽겠더라. У Миш, должно быть, кружилась голова.)

Как видим, суффикс –더– способен сам по себе, без сочетания с суффиксом прош. вр. –왔/였/였–, обозначать отнесенность содержания высказывания к плану прошлого. Значением суффикса прош. вр. здесь является указание не на прошлое, а на завершенность события и продолжительность его в виде результирующего состояния, которое наблюдал говорящий. (Пр.: 약국이 문을 닫더군요. [Я видел, как] аптека закрывалась. 약국이 문을 닫았더군요. [Я видел, что] аптека закрылась. В первом случае говорящий сообщает о том, что видел процесс закрывания дверей, а во втором – что видел результат (результирующее состояние) – закрытые двери.)

Однако не во всех случаях конструкция – *있(았/였)더* – обозначает прямую личную засвидетельствованность. Наряду с конструкциями – *겠더* –, *-있(았/였)겠더* – она может маркировать т. н. инферентив, умозаключение или догадку, основанную на личном наблюдении косвенных свидетельств события. (Пр.: *비가 왔더라. [На основе моих личных наблюдений результата (например, влажной земли) я заключаю, что] был/прошел дождь.*) Суффикс эпистемической модальности – *겠* – добавляет к значению эвиденциальности значение оценки говорящим истинности пропозиции. (Пр.: *비가 왔겠더라. [Судя по наблюдениями, предполагаю, что], должно быть, был/прошел дождь.*)

Можно заметить, что значение инферентивной эвиденциальности должно регулярно сопровождаться модальным значением уверенности/неуверенности, поскольку говорящий наблюдает лично не сам факт события, а лишь его косвенные признаки. По замечанию В. А. Плунгяна, «эвиденциальная семантика в них [показателях инферентива], как правило, не отделена от модальной семантики, а именно, семантики *эпистемической оценки* (или оценки степени достоверности высказывания). Прагматические основания для такой близости вполне понятны: информация, полученная говорящим не в результате непосредственного синхронного наблюдения за ситуацией, оценивается им как менее достоверная. Более осторожная формулировка предполагала бы здесь даже не понятие "недостоверности", а скорее понятие "эпистемической дистанции" говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может, так сказать, выступить ее гарантом» [Плунгян, 2011]. Схожие наблюдения находим у Ли Чунмина. По его словам, «интересным аспектом эвиденциального показателя – *더* – является то, что в разговоре он часто выступает показателем достижения правомерности [высказывания], объективности и дистанцированности [от ситуации]» [Lee Chungmin, 2010, с. 195].

Категория эвиденциальности в корейском языке представляет собой отражение того, насколько важной является для корейского сознания степень оценки говорящим определенности прошлого события. Так, например, Ли Чунмин считает, что наибольшей степенью определенности (100 %) обладают утвердительные финитные окончания (Пр.: *비가 왔다. Был/Прошел дождь.*), чуть меньшей (95 %) – суффикс прямой личной засвидетельствованности – *더* – (Пр.: *비가 오더라. [Я*

видел, что] шел дождь.), еще меньшей (70 %) – суффикс эпистемической модальности – *겠* – (Пр.: *비가 왔겠다. Должно быть, был/прошел дождь.*), наименьшей (66,5 %) – сочетание суффиксов в конструкциях – *겠더* – и – *있(았/였)겠더* – (Пр.: *비가 왔겠더라. [Судя по моим наблюдениям], должно быть, был/прошел дождь.*) Результат «66,5 %» Ли Чунмин получает путем умножения степеней определенности суффиксов – *겠* – и – *더* – ($0,70 \times 0,95 = 0,665$), поскольку считает, что в данном случае имеет место эффект двойной модализации (эпистемическая модальность + эвиденциальность) описываемой ситуации [Lee Chungmin, 2010, с. 196].

Результаты

При сопоставлении семантических диапазонов граммем прош. вр. в русском и корейском языках видим, что спектр смысловых доминант граммемы прош. вр. в корейском языке гораздо шире, чем в русском.

– Граммема прош. вр. в русском языке реализуется в рамках индикатива, то есть ориентирована на реальные смыслы, в то время как корейская граммема прош. вр. совмещает смыслы индикатива (*-았/였/였* –, *-았/였/였* –), эпистемической модальности (*-있(았/였)겠* –, *-겠더* –, *-있(았/였)겠더* –) и эвиденциальности (*-더* –, *-있(았/였)더* –, *-겠더* –, *-있(았/였)겠더* –), то есть ориентирована как на реальные, так и на ирреальные смыслы.

– В русском языке в основе разграничения форм прош. вр. лежит принцип связанности/несвязанности с планом настоящего и моментом речи: глаголы СВ могут быть связанными (перфектное значение) и несвязанными (аористическое значение) с моментом речи; глаголы НСВ, как правило, не связаны с моментом речи. В корейском языке в основе разграничения форм лежит принцип наличия/отсутствия длящегося до момента речи результативного состояния или восприятия: у форм *-았/였/였* – есть результативное состояние, у форм *-았/였/였* – его нет.

– В русском языке граммема прош. вр. тесно связана со значениями видов: СВ реализует значения результативности, завершенности, единичности, перфектности, аористичности; НСВ – процессуальности, многократности, постоянства существования, фактичности, аористичности. В корейском языке основными значениями граммемы прош. вр. являются завершенность действия, завершенность состояния, продолженность действия в виде результативного состояния, аннулированный результат (смена ситуации

на противоположную). Завершенное действие продолжается в виде результативного состояния или эффекта продолженного восприятия. Значения действия и состояния как внутреннего действия, завершенности и продолженности слиты в одной морфологической форме.

Помимо вышеперечисленных, граммема прош. вр. в корейском языке обладает рядом значений, эквиваленты которым в русском языке отсутствуют:

– преимущественная связанность с более поздним временем, чем время события или действия (лишь форма с суффиксом –았/였/였었 – может быть охарактеризована как связанная или несвязанная через результат с последующим временем; форма с суффиксом –았/였/였 – всегда связана с ним результирующим состоянием; эвиденциальные формы связаны моментом личного наблюдения ситуации или ее результата говорящим);

– указание на источник сведений о прошлом (прямой личный доступ: –더-, –였(았/였)더-; не прямой личный доступ, инферентив: –졌더-, –였(았/였)더-, –였(았/였)졌더-);

– ранжирование прошлых событий по степени определенности с помощью утвердительных финитных окончаний –았/였/였– и –았/였/였었– (100 %), модального суффикса –겠– (70 %) и эвиденциальных показателей –더– (95 %) и –졌더– (66,5 %).

Заключение

Проведенный анализ граммем прош. вр. в русском и корейском языках выявил несовпадения в наборах выражаемых ими грамматических значений. На наш взгляд, данные несовпадения дают основания предположить не только существование отличий в восприятии времени русским и корейским сознанием, но и корреляцию этих отличий с особенностями грамматического выражения темпоральных значений на концептуальном уровне. Таким образом, результаты исследования открывают возможность дальнейших русско-корейских лингвокультурных сопоставлений в концептуальном поле времени.

Библиографический список

1. Бондарко А. В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 4. С. 5-24.
2. Золотова Г. А. Аспекты изучения категории глагольного времени // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 3. С. 248-258.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия

наук. Ин-т языкознания. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

4. Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван. Корейский язык. Москва : РОО «Первое Марта», 2005. 484 с.

5. Медова А. А. Сознание в модусе времени. Москва : NONA BENE, 2014. 220 с.

6. Менгель С. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 14-31.

7. Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 252 с.

8. Плуныян В. А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

9. Разоренов Д. А. Грамматический концепт «время» в английском языке // Филологические науки. 2010. № 3. С. 70-76.

10. Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Наука, 1980. 789 с.

11. Скубриева А. И. Категория времени в логико-философском и лингвистическом аспектах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7-2. URL: <https://vivliophica.com/articles/linguistics/652836> (дата обращения: 21.02.2020).

12. Урманчиева А. Ю. Время, вид или модальность? Глагольная система энецкого языка // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 84-100.

13. Bhat D. N. S. The prominence of tense, aspect, and mood. Amsterdam, 1999. 198 p.

14. Lee Chungmin. Evidentials and Epistemic Modal in Korean: Evidence from Their Interactions. PACLIC (2010). P. 193-202.

15. Lee Chungmin. Temporal expressions in Korean // The Pragmat. Perspective: Selected Papers from 1985 Int'l Conference on Pragmatics, John Benjamins. Verschueren and Bertuccelli-Papi (eds). 1987. P. 435-453.

16. 백봉자. 외국어로서의 한국어 문법 사전. 서울: (주)도서출판 하우, 2015. 461 페이지. (Пэк Бон Чжа. Корейский язык как иностранный. Грамматический словарь. Сеул: Изд-во Хай, 2015. 461 с.)

Reference List

1. Bondarko A. V. O znachenijah vidov russkogo glagola = On the Meaning of the Russian Verb Aspect // Voprosy jazykoznanija. 1990. № 4. S. 5-24.
2. Zolotova G. A. Aspekty izuchenija kategorii glagol'nogo vremeni = Dimensions of the Verb Tense Study // Izv. AN SSSR. Serija literatury i jazyka. 1975. T. 34. № 3. S. 248-258.
3. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke : Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and Knowledge: on the Way to Gaining the Knowledge of the Language: Parts of Speech in Terms of Cognition // Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.
4. Li Iksop, Li Sanok, Chhje Van. Korejskij jazyk = The Korean Language. Moskva : ROO «Pervoe Marta», 2005. 484 s.

5. Medova A. A. Soznanie v moduse vremeni = Consciousness in the Time Mode. Moskva : NONA BENE, 2014. 220 s.
6. Mengel' S. Otrazhenie protekanija dejstvija vo vremeni v jazyke vostochnyh slavjan = Reflection of the Action Temporal Progress in the Language of Eastern Slavs // Voprosy jazykoznanija. 2007. № 6. S. 14-31.
7. Miheeva L. N. Vremja v russkoj jazykovej kartine mira = Time in the Russian Linguistic World Image. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2003. 252 s.
8. Plungjan V. A. Vvedenie v grammaticeskiju semantiku : grammaticeskije znachenija i grammaticeskije sistemy jazykov mira = Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammar Systems of World's Languages. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2011. 672 s.
9. Razorenov D. A. Grammaticeskij koncept «vremja» v anglijskom jazyke = The Grammatical Concept of 'Time' in the English Language // Filologičeskije nauki. 2010. № 3. S. 70-76.
10. Russkaja grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija = Russian Grammar. Volume 1. Phonetics, Phonology, Stress, Intonation, Stem Composition, Morphology / pod red. N. Ju. Shvedovoj. Moskva : Nauka, 1980. 789 s.
11. Skubrieva A. I. Kategorija vremeni v logiko-filosofskom i lingvističeskom aspektah = The Category of Time in the Logical-philosophical and Linguistic Aspects // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2013. № 7-2. URL: <https://vivliophica.com/articles/linguistics/652836> (data obrashhenija: 21.02.2020).
12. Urmančieva A. Ju. Vremja, vid ili modal'nost'? Glagol'naja sistema jeneckogo jazyka = Tense, Aspect, or Modality? The Verbal System of the Enets Language // Voprosy jazykoznanija. 2006. № 4. S. 84-100.
13. Bhat D. N. S. The prominence of tense, aspect, and mood. Amsterdam, 1999. 198 p.
14. Lee Chungmin. Evidentials and Epistemic Modal in Korean: Evidence from Their Interactions. PACLIC (2010). P. 193-202.
15. Lee Chungmin. Temporal expressions in Korean // The Pragmat. Perspective: Selected Papers from 1985 Int'l Conference on Pragmatics, John Benjamins. Verschueren and Bertuccelli-Papi (eds). 1987. P. 435-453.
16. 백봉자. 외국어로서의 한국어 문법 사전. 서울: (주)도서출판 하우, 2015. 461 페이지. (Pjek Bon Chzha. Korejskij jazyk kak inostrannyj. Grammaticeskij slovar'. Seul: Izd-vo Hau, 2015. 461 s.)